

единиц технологического оборудования, 8 тыс. моторов, 14 тыс. комплектов электроаппаратуры и т.д. Большие повреждения были нанесены жилым домам, дошкольным учреждениям и другим объектам Соцгорода. По официальным данным, в районе погибло 250 жителей и 28 бойцов противовоздушной обороны. После серьезных разрушений Автозавода вышло постановление ГКО от 5 июня 1943 г. «О создании комиссии по расследованию недостатков ПВО г. Горького». Председателем комиссии был назначен Л.П. Берия. По решению ГКО от 8 июня 1943 г. командующий Горьковским корпусным районом ПВО генерал-майор А.А. Осипов был снят с должности (См.: Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского. XIII чтения памяти чл.-корр. АН СССР С.И. Архангельского. Н. Новгород, 2003. С. 243). Директор Автозавода А.М. Лившиц за плохую организацию МПВО был отстранен и на его место был поставлен И.К. Лоскутов.

²⁶ Монастырка – деревня, в районе которой был построен Автозавод.

²⁷ Имеется в виду территория в районе Канавино, где до 1930 г. действовала Нижегородская ярмарка.

²⁸ Соборный дом – вероятно, имеется в виду дом, прилегающий к Спасо-Преображенскому (Староярмарочному) собору.

²⁹ Гавань – поселок, примыкавший к окскому порту, обслуживающему автозавод.

³⁰ ОРС – отдел рабочего снабжения.

³¹ Северный поселок – барачный жилой массив, располагавшийся в северной части Автозавода.

© 2009 г. Е. И. ЖУРАВЛЕВ *

ГРАЖДАНСКИЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ НА ЮГЕ РОССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

История человечества полна межгосударственных военных столкновений, породивших такое явление как коллаборационизм (французский термин, означавший сотрудничество с врагом части населения оккупированной страны в политической, военной и социально-экономической сферах во вред своему государству)¹. Не избежало такого явления и население СССР во время Великой Отечественной войны.

Провал гитлеровского плана «молниеносной войны» заставил нацистское руководство искать себе социальную опору среди населения оккупированной территории СССР, в том числе Юга России. При этом особое внимание уделялось развитию гражданского коллаборационизма, т.е. сотрудничеству местного населения в социально-экономической и административной областях. Гражданский коллаборационизм на Юге России имел свои особенности. В статье ставится задача показать эти особенности.

В ответ на гитлеровскую агрессию все население СССР поднялось на защиту Родины. Более 30-ти возрастов военнообязанных были мобилизованы в Красную армию. По данным А.М. Синицына, за время войны граждане СССР подали в военные, советские и партийные организации более 20 млн заявлений с просьбой зачислить их в ряды Красной армии более 4 млн человек – о желании вступить в народное ополчение². В сражениях с врагом обрели широкую известность и славу 17-й (впоследствии 4-й гвардейский) Кубанский и 5-й гвардейский Донской кавалерийские корпуса, сформированные из добровольцев-казаков Кубани и Дона³. Активно шло создание воинских формирований, куда призывались граждане союзных и автономных республик. В 1941–1942 гг. в Армянской, Азербайджанской, Грузинской, Кабардино-Балкарской, Чечено-Ингушской, Калмыцкой и других союзных и автономных республиках было сформировано 14 национальных стрелковых дивизий, 15 национальных стрелковых бригад и 20 национальных кавалерийских дивизий⁴.

---

*Журавлев Евгений Иванович, кандидат исторических наук, доцент Ростовского государственного строительного университета.

Однако в составе фашистских войск также оказались соплеменники ряда народов Юга России. По сведениям немецких источников, численность представителей этого региона, надевших форму немецкого вермахта и ставших военными коллаборационистами, составила: свыше 300 тыс. русских, 70 тыс. казаков, 30 тыс. представителей народов Северного Кавказа, 7 тыс. калмыков⁵.

В литературе советского периода масштаб коллаборационизма приуменьшался. Раскрывался скорее термин «коллаборационист» (личность), чем, «коллаборационизм» (явление), что подчеркивало малозначительность явления. В период Великой Отечественной войны при оценке коллаборационистов использовались понятия из судебной практики и морально-этические категории⁶. При этом подразумевалось, что в прошлом многие из коллаборационистов были уголовниками, людьми без чести и совести, обладавшие низменными личными качествами⁷. Если в изображении советских историков коллаборационисты были «антигероями», то в эмигрантской литературе они получали противоположную оценку. Часть эмигрантов, включая бывших коллаборационистов, стремилась представить свою роль в войне как борьбу за освобождение России от сталинского гнета⁸.

В постсоветский период в России проблема коллаборационизма стала предметом специального научного анализа. Отказ от идеологических клише и привлечение новых источников позволили прийти к более достоверным выводам о масштабе и причинах этого явления. В литературе стала использоваться терминология, менее «заряженная» негативной предубежденностью. В то же время следует отметить, что не все российские историки и сейчас готовы отказаться от прежних определений, считая, что они наиболее точно выражают правовую оценку коллаборационизма. В этом плане характерна работа О.В. Вишлева⁹. Среди первых обобщающих работ о коллаборационизме постсоветского периода выделяется фундаментальный труд М.И. Семиряги¹⁰, в котором впервые в российской науке рассмотрены вопросы сотрудничества с противником населения стран с разным политическим строем. Ряд российских историков рассматривает коллаборационизм как способ выживания под «пятой» оккупантов¹¹. Подобный подход позволяет перевести изучение коллаборационизма в плоскость социальной истории, рассматривать данное явление как социальную проблему, связанную с различными стратегиями выживания людей в условиях оккупации. Большинство российских историков определяет формы коллаборационизма в зависимости от того, в какой сфере осуществлялось сотрудничество с противником. С.В. Кудряшов одним из первых выделил три типа коллаборационизма: политический, военный и гражданский¹².

Во время Великой Отечественной войны гитлеровцы оккупировали территорию, на которой проживало около 85 млн советских людей. При этом из их числа в рядах партизан сражались с гитлеровцами более 1 млн человек. Более миллиона стали активным резервом партизанских отрядов¹³. Значительная часть населения на оккупированных территориях, в том числе и на Юге России, стояла на позициях неприятия немецкого «нового порядка», но должна была ограничиться пассивным сопротивлением, экономическим саботажем, и хотя движение сопротивления имело широкий характер, его едва ли можно определить как всенародное, поскольку открытое выступление против гитлеровцев большинства населения оккупированных территорий было невозможно, так как оно состояло в основном из стариков, женщин и детей и было безоружным.

До сих пор среди российских историков остается спорным вопрос о причинах и мотивах сотрудничества советских людей с гитлеровскими оккупантами. Одни придерживаются мнения, что переход на сторону оккупантов происходил по политическим мотивам. А. Назаров¹⁴, например, утверждает, что в 1941–1945 гг. была продолжена гражданская война между сторонниками советского режима и его противниками. К этой категории населения относится часть казачества и горцев Юга России, которые были недовольны советской властью. По свидетельству немецких офицеров 1-й танковой армии, коренные кавказцы были настроены дружелюбно по отношению к немцам и приветствовали их как освободителей¹⁵.

Е.Ф. Кринко, И.А. Гилязов¹⁶ считают, что среди коллаборационистов все же преобладали люди, которые шли на сотрудничество с врагом вынужденно, с целью выживания в условиях немецкой оккупации.

Летом 1942 г. наступление немецко-фашистских войск на Юге России приняло характер блицкрига. При этом на оккупированной территории осталась значительная часть проживавшего здесь населения. В воззвании к этим людям командующего группы немецких армий «Юг» указывалось, что все жители должны оставаться на своем постоянном месте жительства, рабочие, служащие и чиновники, учреждения которых не пострадали во время военных действий, должны быть готовы вновь начать работу¹⁷. Практически каждый житель Юга России, оказавшийся в оккупации, становится перед выбором: выполнять указания немецких оккупационных властей или отправиться за саботажем в концлагерь, быть угнанным на работу в фашистскую Германию или снятым со снабжения продуктами питания. Анализ архивных документов показывает, что довольно значительная часть населения Юга России выбирала первое. По данным С.И. Линеца, до 60% населения оккупированного Юга России поддерживали немецкий «новый порядок», а 30% были готовы примкнуть к любой воюющей стороне в зависимости от ее успехов¹⁸. Сложно выявить ту грань, которая отделяет простое взаимодействие с оккупантами от сотрудничества с ними. Однако именно гражданский коллаборационизм получил широкое распространение на Юге России. При этом мотивы сотрудничества с оккупационными властями были различные. Так, красноармеец Кряжев находясь на излечении в одном из госпиталей Кисловодска, попал в плен к гитлеровцам, которые предложили ему перейти на службу в местную полицию. В случае отказа ему грозили или расстрел, или каторжные работы в Германии, что вынудило его стать коллаборационистом.

Совсем другой мотив привел на службу к оккупантам бывшего полковника-белогвардейца Белого, который добровольно перешел на службу к немецким оккупантам и был назначен начальником полиции г. Краснодара¹⁹. Для многих побудительным мотивом при поступлении на службу в полицию служил материально-финансовый вопрос. Немецкие власти старались поощрять полицейских ежемесячно выплачивая им 40 немецких марок (400 советских руб.)²⁰. На Юге России практиковалась выдача полицейским одежды, обуви и имущества расстрелянных советских граждан. Кроме материальных и финансовых мотивов, немаловажное значение имел элементарный страх. Работа в полиции для таких людей представлялась спасительным выбором. Вместе с тем, часть полицейских была представлена бывшими уголовниками, отбывшими наказание или сбежавшими в ходе войны из тюрем и колоний.

Сочувствовавшие Германии препятствовали сотрудникам НКВД и саперам в осуществлении взрывов и поджогов важных объектов в городах региона накануне вступления в них частей немецкого вермахта, мешали осуществлять эвакуацию на восток скота, сельхозтехники, вывозить сырье и продовольствие. Оккупационная коллаборационистская пресса ставила в пример таких людей. Так в одном из номеров газеты «Пятигорское эхо» в августе 1942 г. говорилось о заведующем нефтебазой Пятигорской МТС Авакьяне, который сумел спасти несколько десятков тонн горючего от уничтожения²¹. Оценивая подобные действия следует учитывать, что большое количество людей оказалось в оккупации не по своей воле и сохраненное топливо, сельхозтехника облегчали их труд, дав им шанс получить работу и выжить.

С первых дней оккупации территорий Юга России немецкие власти активно выявляли в местном населении потенциальных кандидатов на руководящие и административные должности в городах и селах. Предпочтение отдавалось противникам советской власти, которые скрывали свои антисоветские взгляды до прихода гитлеровцев. Так в станции Горячеводской Ставропольского края атаманом был назначен И. Даркин, бывший дворянин, а в Майкопе членом городской управы был Д. Караваев – сын бывшего купца, белогвардеец²². Кроме того, фашисты делали ставку на советских граждан, осужденных за политические и уголовные преступления. Главным редактором коллаборационистской газеты «Утро Кавказа» был бывший узник советского концлагеря Б. Ширяев²³.

Архивные документы свидетельствуют о том, что в оккупационный период практиковалось назначение на прежние должности бывших советских руководителей. В рядах коллаборационистов оказывались и члены ВКП(б), которые по разным причинам остались на оккупированной территории Юга России. Гитлеровцы руководствовались по отношению к коммунистам в этом регионе политикой прагматизма: враждебно настроенных уничтожали, а демонстрировавших лояльное отношение к немецкому новому порядку привлекали на свою сторону. Так, только в Ставропольском крае на оккупированной территории осталось около 25% состава краевой парторганизации – около 6 тыс. коммунистов. В докладной записке организационно-инструкторского отдела Ставропольского Крайкома ВКП(б) от 29 декабря 1943 г. сообщалось, что большинство горкомов и райкомов партии, проводя проверку коммунистов, находившихся на оккупированной территории, выяснили, что немало из них, главным образом молодые, проявили растерянность, 2 917 человек уничтожили свои партийные документы, а 116 сдали документы в гестапо и полицию. Многие оставшиеся на оккупированной территории сотрудничали с немцами, работали на предприятиях по их обслуживанию²⁴.

Сельское и городское население на оккупированной территории Юга России тщательно регистрировалось. В качестве основного документа, удостоверявшего личность, сохранялся советский паспорт. Бургомистры и старосты обязаны были предоставлять германскому командованию списки населения. При этом они лично отвечали за благонадежность людей, внесенных в эти списки. Те, кто в списки не попадал, направлялись в концлагеря или в рабочие колонны при тыловых армейских частях. От населения, желавшего остаться на местах своего жительства, а таковых было большинство, сразу же требовалось проявление лояльности к оккупационным властям. В любом случае ему приходилось сотрудничать с германскими властями. Перейти от нейтрального взаимодействия к более тесному в тех условиях было просто. В какой-то степени гражданский коллаборационизм был неизбежен, а часто и вынужден. Гражданский коллаборационизм на Юге России был распространен практически повсеместно. Во многих населенных пунктах региона гитлеровцы находили людей, которые добровольно или по принуждению шли на сотрудничество с ними. Так, 1 февраля 1942 г. в Таганроге Ростовской обл. стояли очереди у бывших военных заводов № 65, 31 в ожидании набора рабочих. Численность работающих на военном заводе № 65 в период с октября 1941 г. по лето 1942 г. увеличилась почти в 6 раз с 345 человек до 1 969²⁵. Список-справочник на лиц, работавших в период оккупации районов Ростовской обл. в немецкой администрации, насчитывал только по Таганрогу, Тарасовскому и Морозовскому районным управлениям около 3 500 человек²⁶. В оккупированном Ставрополе в 51 учреждении в основном социальной сферы (здравоохранение, образование, детские дошкольные учреждения) работало 1 430 местных жителей²⁷. На 61 предприятии в оккупированном Таганроге в январе 1942 г. их работало 9 761, а в марте 1942 г. – более 14 тыс. человек²⁸.

Гражданский коллаборационизм проявился на Юге России и в системе образования. В самом начале Великой Отечественной войны Министерство по делам оккупированных восточных областей Германии специально указывало на то, что в России следует стремиться к быстрому восстановлению школьного преподавания, если в распоряжении имеются подходящие и надежные преподаватели. По данным О. Сорокиной, только в Ставропольском крае в немецких «народных школах» согласились работать около 1 тыс. учителей из 12 тыс. официально работавших при советской власти в этом крае до войны²⁹. При поступлении на работу учителя «народных школ» заполняли специальную анкету. Около 200 преподавателей Каменского района Ростовской обл. в конце анкеты делали приписки следующего содержания: «Подтверждаю, что на приведенные выше вопросы я отвечал правдиво и полно и что мне известно об ожидающем меня строгом наказании за ложные ответы или умалчивание о фактах и событиях»³⁰. Оккупационные власти стремились привлечь учителей в «народные школы» различными материальными стимулами. Заработная плата устанавливалась в размере ставок Наркомпроса СССР, которая выдавалась как в марках, так и советскими деньгами. При этом учителя, работавшие в «народных школах», могли иметь

большие земельные участки под огород и получали хлебный паек (300 г). Они были обязаны посещать 10-ти дневные курсы переподготовки, где читались лекции на темы: «Культура Германии», «Народное образование в Германии», «Что такое национал-социализм», «Биография Адольфа Гитлера». Учителям предписывалось в процессе обучения избегать всякой «большевистской тенденциозности»³¹. Над ними осуществлялся жесткий идеологический контроль.

В Положении о «народных школах» указывалось: «читать, писать, считать, вот то, чему должен учитель в своей работе уделять основное внимание. Не разрешается вести работу по учебным изданиям для советской школы, не разрешается использовать в работе советскую литературу. Можно пользоваться учебниками, изданными до 1914 года»³².

Один из очевидцев этих событий М.А. Горькавый вспоминает: «В начале сентября 1942 г. нас, мальчишек, заставили идти в школу. На первом занятии напутствие давал немецкий офицер на достаточно чистом русском языке. Затем мы достали свои учебники и начали по команде клеивать бумагой всех партийных вождей и военачальников. Потом появился батюшка в рясе и с крестом и с того дня мы стали изучать Закон божий»³³.

Немецкая земельная реформа предполагала превратить земли Юга России в сельскохозяйственную вотчину третьего Рейха, для чего необходимо было готовить соответствующие кадры. Немцы открыли в Ворошиловске сельскохозяйственный институт. Вчерашним студентам, оказавшимся в оккупированном Ворошиловске, был предложен выбор: или учиться, или быть вывезенными на работу в Германию. Большинство студентов выбрало первое. Преподавателям института, в массе своей оказавшимся в оккупированном городе, пришлось выбирать: работать в институте, или быть отправленными в концлагерь за саботаж. Был открыт и медицинский институт, однако поскольку большая часть студентов и преподавателей была в нем еврейской национальности и уничтожена, число обучавшихся оказалось здесь мизерным³⁴. В Новочеркасске Ростовской обл. был открыт Донской политехнический институт, так как город был столицей донского казачества и вызывал у гитлеровского руководства большое доверие. Практически во всех оккупированных городах Юга России в составе бургомистерств имелись управления или отделы народного образования. Так, в подчинении управления отдела школ Таганрога входило 13 начальных школ³⁵. 1 декабря 1942 г. коллаборационистская газета «Пятигорское эхо» сообщала о том, что отдел Пятигорского городского управления с разрешения Германского командования открывает в Пятигорске первую мужскую среднюю школу с 7-летним курсом обучения. Подобран штат опытных, с большим педагогическим стажем преподавателей³⁶.

Гитлеровское руководство допустило с различными ограничениями открытие школ, гимназий и даже ВУЗов в городах, селах, станицах и аулах Юга России.

В немецких инструкциях перед этими учебными заведениями были поставлены следующие задачи: все преподавание должно быть проникнуто духом уважения к германской армии-избавительнице и благодарности Гитлеру. Школа должна была содействовать онемечиванию советских детей, воспитывать из них покорных работников в интересах Германии.

Немецкий командант Пятигорска при открытии гимназии в городе 15 октября 1942 г. сказал, обращаясь к учителям: «Работа учителей будет особенно трудной, так как придется выкорчевывать из детских голов все советское, вы должны воспитать послушного ученика, готового своим трудом отблагодарить фюрера»³⁷. Работа учителей периодически контролировалась немецкими властями. Особенно заботило оккупационные власти изучение немецкого языка, который Министерство А. Розенберга предлагало в качестве обиходного для Юга России.

В Ставропольском крае в 34 районах было открыто: 192 начальных школы, 13 семилетних, 15 гимназий. Гимназии открывались в Кисловодске, Пятигорске, Железноводске, Микоян-Шихаре. На Кубани были открыты только начальные школы³⁸. Полуголодное существование, боязнь угона на работы в Германию, страх репрессий против близких – таковы основные мотивы, толкавшие бывших советских учителей в «народные школы». Работать заставляли и чисто репрессивными мерами.

Однако значительное число учителей Юга России остались верны советской власти и не шли работать в «народные школы». Отношение населения оккупированных районов региона к школьной политике фашистской Германии было, как правило, либо негативным, либо безразличным. На негативном отношении части учителей и населения к «народным школам» сказалось введение в них телесных наказаний и преподавание религии. Одним из проявлений саботажа частью населения региона школьной политики оккупационных властей стал атеизм.

Образовательная политика третьего Рейха была нацелена на искусственное занижение культурного уровня русского народа и несла в себе заведомо провальные в условиях Юга России элементы (децентрализованное управление, насильственное введение религиозного образования, плата за учебу, телесные наказания). Все это сводило на нет попытки коллаборационистов этого региона вернуть население в дореволюционное культурно-образовательное пространство.

Анализ социального состава населения, сотрудничавшего с немцами, на Юге России свидетельствует, что на сотрудничество с оккупантами шла часть художественной интеллигенции. Так, в период оккупации в Таганроге работал драматический театр со штатом артистов 130 человек. Такие же театры имелись в оккупированных городах: Сальске и Шахтах³⁹. Газета «Пятигорское эхо» 29 сентября 1942 г. известила, что концертное бюро при городском театре организует серию камерных музыкальных концертов для офицеров и солдат германской армии. В Пятигорске в период оккупации давали представления Пятигорский театр оперетты и эвакуированный сюда Ленинградский театр драмы. В Ставрополе в театре «Варьете» выступали известные певцы Белоусов, Зелевский, Орлов, исполнявшие запрещенные советскими властями романсы. Кроме того, в бывшем здании Дома художественного воспитания детей оставшаяся в оккупации группа актеров ставила пьесы А. Островского. В главных ролях были задействованы известные актеры: Горская, Подольская, Костин⁴⁰.

Коллаборационисты при сотрудничестве с немецкими властями проявляли инициативу в укреплении «нового немецкого порядка». Так, инициативная группа в Пятигорске, представлявшая большое количество высококвалифицированных специалистов в области сельского хозяйства, в том числе научных работников, обратилась с ходатайством к бургомистру города о выдаче разрешения на право организации акционерного общества под названием «Культура» и передаче ему земельного участка на правах долгосрочной аренды. Основная цель этой инициативы заключалась в организации крупного образцового пригородного сельхозпредприятия. 1 декабря 1942 г. газета «Пятигорское эхо» отмечала, что «многие коммерсанты желают торговать по-новому, но не знают, как это сделать. Назрела необходимость в специальном учреждении, которое явилось бы “Коммерческим Центром” и регулировало бы всю торговлю в городе. Таким учреждением может явиться “торговая биржа”»⁴¹.

Для более широкого распространения гражданского коллаборационизма на Юге России, как и на других захваченных ими территориях СССР, немецкие оккупационные власти активно разыгрывали религиозную карту, в своих интересах используя гонения на церковь в СССР. Начиная войну, фашисты не придавали серьезного значения религиозному вопросу. В ходе боев они изменили свое отношение к религии особенно на Юге России, увидев в ней активного помощника в установлении нового немецкого порядка. В указаниях уполномоченному имперского министра по оккупированным областям Востока при Верховном командовании армейской группы «Юг» подчеркивалось, что в области религии должна быть полнейшая терпимость, церковные здания должны быть возвращены в распоряжение населения. Уже в первых документах, доведенных до сведения населения Юга России немецкими оккупационными властями летом 1942 г., религиозный вопрос выступал одним из главных. Религиозная тематика была широко представлена на страницах коллаборационистских газет. Главной мыслью этих публикаций было выражение благодарности германской армии и Гитлеру за освобождение населения от власти большевиков-безбожников.

Во многих городах и станицах Юга России началось возрождение закрытых ранее большевиками церквей, мечетей и строительство новых. Так, в Краснодаре в начале октября 1942 г. шло восстановление трех храмов, а на всей территории Кубани при немецком «новом порядке» было открыто 192 церкви вместо 7-ми существовавших до оккупации. К концу августа 1942 г. во вновь образованной на Ставрополье Епархии было уже 16 церковных общин. Хотя до прихода немцев в Ворошиловске (Ставрополь) действовал всего один Успенский храм на одноименном кладбище. Вскоре с согласия немецких властей городской управой были открыты две старые церкви, в затем еще одна по настоянию румынских солдат православного вероисповедания. Румынские офицеры на восстановление Андреевского собора пожертвовали более 4 тыс. руб.⁴² Верующие очищали обращенный в склад или клуб храм, украшали его сохранными на чердаках и в подвалах иконами, освещали, подбирали хор. Под храмы приспособляли опустевшие клубы и залы учреждений. По свидетельству очевидцев, религиозно-духовная жизнь оккупированного Ставрополья быстро возрождалась. Такая же ситуация наблюдалась на Дону и Кубани. В Краснодарском крае наблюдался не только рост религиозных организаций, но и появление на территории края конфессиональных центров мусульман, евангельских христиан-баптистов. В Ростове-на-Дону было открыто 8 храмов⁴³. Всего, согласно отчету Совета по делам Русской православной церкви, в Ростовской обл. оккупационные власти открыли 243 церкви, в Краснодарском крае – 229 и Ставропольском крае – 127. Кроме того, нацисты не препятствовали деятельности старообрядческой церкви на оккупированной территории Юга России. Так с приходом оккупантов в Ессентуки, там началась подготовка к открытию старообрядческого храма Покрова Пресвятой Богородицы, закрытого большевиками в 1937 г.⁴⁴

Неотъемлемой составной частью возрождения церковной жизни стало восстановление в полном объеме христианских православных праздников. На оккупированной территории Юга России церковь вновь активно стала участвовать в проведении крещения детей, венчания, отпевания покойников. Население с одобрением встретило меры, предпринятые оккупационными властями по открытию похоронных бюро. Население оккупированных областей получило возможность свободного доступа к церковным службам. Однако все это находилось под жестким контролем германских властей. Часть православного клира сотрудничала с гитлеровцами. Они устраивали торжественные молебны в честь побед германского оружия. Оккупанты рассчитывали сделать Церковь центром антисоветской пропаганды. Однако большая часть храмов оказывала посильную помощь советским военнопленным, спасала от преследований сотни людей. Так, во время оккупации Ростова-на-Дону настоятель Александро-Невской церкви Петр Заберовский помогал партизанским связным в организации явок. Партизаны получали от него медикаменты, документы, деньги.

В документах оккупационных властей нет указаний и распоряжений, в которых бы говорилось о насаждении религии среди местного населения Юга России. В то же время в разведсводках агентов НКВД докладывалось о насаждении среди населения религиозного мракобесия.

Для обеспечения Церкви кадрами в ряде городов Юга России церковные структуры стали организовывать обучение молодежи всем правилам церковной жизни. Так, в Пятигорске в октябре 1942 г. была открыта воскресная школа по подготовке священнослужителей. В Ростове-на-Дону в сентябре 1942 г. было проведено посвящение в священники после сдачи специальных экзаменов с правом самостоятельной работы в приходах⁴⁵.

В период оккупации территории Юга России часть служителей армяно-григорианской церкви признала оккупационную власть и сотрудничала с ней. Нацисты, учитывая это, оказывали поддержку этой церкви. В Краснодаре городская управа поддерживала армяно-григорианскую церковь материально и организационно. В Пятигорске началось восстановление церкви имени Саака и Месропа. В день освящения этой церкви предприниматель Аманьянц призвал коммерсантов города отчислить часть

своей прибыли германской армии-освободительнице. Всего в начале декабря 1942 г. в церковный совет армяно-григорианской церкви в Пятигорске от верующих поступило 30 тыс. руб. Эти деньги были переданы на финансирование мероприятий по набору добровольцев в вермахт⁴⁶.

В процессе оккупации Юга России гитлеровцы рассчитывали на активную поддержку «нового порядка» мусульманами этого региона. Своей довоенной антиисламской политикой советская власть сама подготовила почву для распространения коллаборационизма среди мусульман Юга России. Так из 2 507 мусульманских общин к началу войны в СССР их осталось только 12⁴⁷. При этом мечети подвергались разрушению или использовались как хозяйственные объекты. Во многих документах оккупационных властей, обращенных к мусульманам, подчеркивался факт их освобождения от большевистского террора. Практически во всех населенных пунктах Юга России, где жили мусульмане, нацисты вновь восстановили должности мулл и старших мулл. При этом их приравнивали к главам администраций городов и аулов. Кроме того, оккупационные власти в 1942 г. открыли по 2–3 мечети в каждом населенном пункте Кабардино-Балкарии⁴⁸. Во многих аулах Адыгеи также были открыты мечети. В Кисловодске в конце августа 1942 г. решением городской управы также была открыта мечеть. В газете «Пятигорское эхо» подчеркивалось, что сделано это по просьбе местных мусульман. Кроме того, гитлеровское командование на Юге России приняло решение об установлении, согласно мусульманским обрядам, еженедельного дня отдыха – пятницы⁴⁹. Однако нельзя утверждать, что с приходом немецких оккупантов все население Юга России стало верующим. Граждане, вынужденные скрывать при советской власти свои религиозные убеждения, теперь получили возможность открыто их демонстрировать, посещать церкви, мечети и жить в соответствии с канонами своей религии. Однако, по мнению бургомистра Ростова-на-Дону, приверженность к религии была присуща только населению старше 40 лет. Для остальных возрастов богослужение являлось чем-то вроде посещения спектакля. Младшему же поколению религиозное чувство вовсе было незнакомо. В то же время казаки относились к религии ревностно и в большинстве своем являлись глубоко верующими⁵⁰.

Религия стала важным духовным инструментом в политике немецких оккупационных властей на Юге России. В короткий оккупационный период она вновь вошла в духовную и повседневную жизнь и был значительной части населения региона.

Всплеск религиозных чувств населения в военное время сыграл важную роль в изменении отношения советского руководства во главе со Сталиным к вопросам религии и к Русской православной церкви. Начиная с осени 1943 г. советское руководство пошло на диалог с высшими иерархами Церкви во имя достижения победы над фашизмом. В период оккупации произошел раскол среди священнослужителей всех концессий Юга России. Одна их часть осталась на патриотических позициях, другая же пошла на сотрудничество с врагом.

Юг России в годы Великой Отечественной войны был регионом, в котором гражданский коллаборационизм получил довольно широкое распространение. Вследствие того, что состав населения был весьма пестрым по социально-экономическому, национальному и религиозному признакам, эта особенность, вместе со значительным количеством недовольных советской властью групп населения, стала одной из причин распространения в регионе гражданского коллаборационизма.

В начальном периоде оккупации Юга России гитлеровцы старались меньше прибегать к репрессиям в отношении населения этого региона и всемерно развивать гражданский коллаборационизм, связанный с материальными мотивами и интересами. После поражения в Сталинградской битве нацисты переходят к коллаборационизму по принуждению. В конечном итоге это приводит к краху коллаборационистской политики гитлеровцев и их оккупационного режима на Юге России.

Примечания

- ¹ См.: *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны. М., 2000; Большая Российская энциклопедия. М., 2001. С. 549.
- ² История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. М., 1970. С. 183; *Синицын А.М.* Всенародная помощь фронту: О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1985. С. 26.
- ³ *Кирсанов Н.А.* По зову родины: Добровольческие формирования Красной армии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1974. С. 204.
- ⁴ *Кирсанов Н.А.* В боевом строю народов-братьев. М., 1984. С. 68, 72.
- ⁵ *Munoz A.* Hitler's Eastem Legions. Vol. 1. The Baltic Schutzmannschaft 1941–1945. N.Y., 1998. P. 10–11.
- ⁶ Молот. 1960. 29 октября; 1963. 4–16 октября; 1964. 19 апреля.
- ⁷ *Гриднев В.М.* Борьба крестьянства против немецко-фашистских оккупантов на временно оккупированной территории РСФСР. Дисс. ... д-ра ист. наук М., 1983. С. 142–143.
- ⁸ *Донсков П.Н.* Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. Нью-Йорк, 1960; *Алдан А.Г.* Армия обреченных. Нью-Йорк, 1969; *Китаев М.* Как это началось. Нью-Йорк, 1970.
- ⁹ *Вишнев О.В.* Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001.
- ¹⁰ *Семиряга М.И.* Указ. соч.
- ¹¹ *Кирсанов Н.А., Дробязко С.И.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 68, 73.
- ¹² *Кудряшов С.В.* «Предатели», «освободители» или «жертвы режима»? Советский коллаборационизм (1941–1945) // Свободная мысль. 1993. № 14.
- ¹³ *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июнь 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов н/Д., 2003. С. 385.
- ¹⁴ Там же. С. 299.
- ¹⁵ *Семиряга М.И.* Указ. соч. С. 90.
- ¹⁶ *Кринко Е.Ф.* Оккупационный режим на Кубани (1942–1943 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1997; *Гилязов И.А.* Коллаборационистское движение среди тюрков–мусульманских военнопленных и эмигрантов в годы Второй мировой войны. Дисс. ... д-ра ист. наук. Казань, 2000.
- ¹⁷ Государственный архив Северного Кавказа (далее – ГА СК), ф. Р-1063, оп. 1, д. 54, л. 1.
- ¹⁸ *Линец С.И.* Указ. соч. С. 302.
- ¹⁹ Там же. С. 377.
- ²⁰ ГА СК, ф. Р-469, оп. 1, д. 2, л. 2.
- ²¹ Пятигорское эхо. 1942. 26 августа.
- ²² *Линец С.И.* Указ. соч. С. 387.
- ²³ *Беликов Г.А.* Оккупация. Ставрополь. Август 1942 – сентябрь 1943. Ставрополь, 1998. С. 118.
- ²⁴ Государственный архив новейшей истории Северного Кавказа, ф. 1, оп. 2, д. 435, л. 1, 48.
- ²⁵ Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (далее – ГА РО), ф. Р-619, оп. 1, д. 26, л. 2.
- ²⁶ ГА РО, ф. 3983, оп. 1, д. 91, л. 1–207; д. 118, л. 108–108 об.; д. 192, л. 1–38.
- ²⁷ ГА СК, ф. Р-1059, оп. 1, д. 9, л. 1–29.
- ²⁸ ГА РО, ф. Р-619, оп. 1, д. 204, л. 4, 5; ф. Р-619, оп. 1, д. 124, л. 14, 15.
- ²⁹ ГА РФ, ф. 7445, оп. 2, д. 144, л. 310.
- ³⁰ ГА РО, ф. 3983, оп. 1, д. 118, л. 108–108 об.
- ³¹ *Сорокина О.Л.* Деятельность комсомола по осуществлению курса партии на восстановление общеобразовательной школы в годы Великой Отечественной войны. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1990. С. 88.
- ³² РГАСПИ, ф. 17, оп. 126, д. 5, л. 8.
- ³³ *Константинов С.* Школьная политика третьего рейха // Родина. 2002. № 10. С. 53.
- ³⁴ Ставропольские губернские ведомости. 1997. 22 ноября. С. 6, 7.
- ³⁵ ГА РО, ф. 3983, оп. 1, д. 86, л. 10 об.
- ³⁶ Пятигорское эхо. 1942. 1 декабря.
- ³⁷ Там же. 15 октября.
- ³⁸ Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.): документы и материалы. Ставрополь, 2000. С. 83.

³⁹ ГА РО, ф. 3983, оп. 1, д. 185, л. 89, 114; д. 186, л. 81.

⁴⁰ Пятигорское эхо. 1942. 29 сентября.

⁴¹ Там же. 1 декабря.

⁴² Ставропольские губернские ведомости. 1994. 7 марта.

⁴³ Советское правительство и РПЦ: Новейшая история Отечества. XX век. Т. 2. М., 1999. С. 180.

⁴⁴ Церковный вестник. 2002. № 4. С. 5; 2003. № 4. С. 4.

⁴⁵ Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации...; ГА РО, ф. 619, оп. 1, д. 211, л. 9.

⁴⁶ Пятигорское эхо. 1942. 25 ноября; 5 декабря.

⁴⁷ Лики войны: Сб. док. По истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нальчик, 1996. С. 105.

⁴⁸ Дегтярев Ю.М. Открывал ли Сталин церкви? // Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Материалы «Круглого стола», посвященного 50-летию Победы (13 апреля 1995 г.). М., 1995. С. 131.

⁴⁹ Пятигорское эхо. 1942. 30 августа; Кубань в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Кн. 1 (1941–1945). Краснодар, 2000. С. 607.

⁵⁰ Пятигорское эхо. 1942. 30 августа.

Война как профессионально-техническое противостояние

© 2009 г. М. А. ФЕЛЬДМАН*

РАБОЧИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР И ГЕРМАНИИ К ИЮНЮ 1941 года: сравнительные характеристики

Вторая мировая война, наиболее яркой частью которой была Великая Отечественная война, остается главным событием XX в. Существует немало неизвестных или слабо изученных проблем, связанных с тематикой Второй мировой войны. Среди них – анализ сравнительных характеристик советского и германского рабочего класса к июню 1941 г. Насколько количественные и качественные характеристики рабочих СССР соответствовали потребностям индустриальной экономики? До сих пор в литературе отсутствуют полные, а не урезанные по цензурным соображениям статистические данные о составе рабочих промышленности СССР за 1940 г. в отраслевом и региональном разрезе с точки зрения общеобразовательного уровня и показателей квалификации. Объективным критерием в данном случае выступают аналогичные показатели промышленных рабочих Германии к июню 1941 г.

Преодолев наслонения политизированности, западная историография все реже рассматривает рабочих промышленности СССР как массив, чуждый власти и индустриализации¹. Советское государство фактически вернулось к прежней, столь презируемой *сословной структуре* зависимости от отношения человека к государству, справедливо отмечает Ш. Фицпатрик². Зарубежные авторы еще в 1950-е гг., обратив внимание на серьезные конфликты внутри самого рабочего класса СССР между «старыми» и «новыми» рабочими; мужчинами и женщинами; квалифицированными и неквалифицированными работниками, подошли к выводу о неоднородности социума рабочих³. Был найден ключ к пониманию рабочей истории, и не только в СССР. Но повернуть ключ мешала и мешает затруднительность доступа к нужным архивным источникам.

По мнению Р. Алена, успехи советской индустриализации, в том числе и повышение уровня жизни рабочих, создавали условия для развития квалификации рабо-

---

* Фельдман Михаил Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор Уральской академии государственной службы.